МОЕ ВОСПОМИНАНІЕ

о лѣтахъ дѣтства и отрочества моего умершаго родного брата, архіеписк. Макарія, служившаго во многихъ епархіяхъ, а при семъ нѣсколько и о самомъ себѣ.

Братъ мой былъ старѣе меня четырьмя годами, но, по преданіямъ отца и матери и другихъ близкихъ лицъ, дѣтство брата осталось у меня въ свѣжей памяти. Родился 24 Марта 1817 года, въ великую субботу; крещенъ 25 Марта въ первый день св. Пасхи. Самое первое появленіе на свѣтъ брата предъуказывало о немъ неразгаданное, а между тѣмъ значительное. Такъ: его крещеніе было совершено въ домѣ, когда родитель нашъ по древнему обычаю христіанскому при крещеніи не присутствовалъ; по окончаніи крещенія явился и отецъ, принималъ поздравленіе съ новокрещеннымъ и усаживалъ за угощеніе церковный причтъ, кума, куму и другихъ гостей. Въ это самое время наша мать подзываетъ къ себѣ нашего отца и говоритъ ему: „Николашу—то, вѣдь, мѵромъ не помазывали“. Отецъ: „ что ты говоришь, этого быть не можетъ“,—и отошелъ отъ нея. Спустя не много минутъ, опять мать подзываетъ отца и говоритъ; „вѣрно, не помазывали мѵромъ“. Отецъ задумался и недоумѣвалъ: какъ объ этомъ сказать совершавшему крещеніе бывшему въ то время священнику и и благочинному, Гавріилу Устинову, человѣку характера веселаго и неуступчиваго а, пожалуй, подчасъ и могущаго оскорбить. Поэтому отецъ и не смѣлъ сказать о немѵропомазаніи. Мать, лежавшая за перегородкою, вскликнула: о. Гавріилъ! помажьте мѵромъ Николашу“!

Изумился благочинный и не довѣрялъ, а между тѣмъ велѣлъ подать крестильный ящикъ. Раскрывъ его, дѣйствительно убѣдился, что мальчикъ не помазанъ мѵромъ. По этому случаю всѣ изъ за стола вышли и совершено было мѵропомазаніе. Совершивъ мѵропомазаніе, о. Гавріилъ въ то время сказалъ отцу нашему: „ну, о. Кириллъ, блюди этого сына; я удивляюсь, какъ я могъ, совершая крещеніе, не помазать мѵромъ. Полагаю, и тебѣ о. Кириллъ предсказываю, твой сынъ, когда выростетъ, будетъ помазывать поповъ“.

Въ дѣтствѣ о братѣ передано мнѣ и лично самому брату, когда мы были взрослые, что Якуня—родной братъ пономаря нашего села, много пророчилъ о немъ.

Отецъ нашъ жилъ между двумя домами крестьянскими; по правую сторону жилъ крестьянинъ Лупновъ, а по лѣвую Антонъ Ромадинъ. Жившій по правую сторону близь сада нашего имѣлъ рушалку и очень часто видалъ Якуню въ саду нашемъ, носящаго на рукахъ брата Николая, и слыхалъ отъ Якуни такія слова: ,,Захарій" великій будетъ человѣкъ и три раза будетъ мастеровать на ярмаркѣ въ Нижнемъ". А меня нянча, Якуня говорилъ: ,,Пахомій будетъ попокъ и помивщикъ". Этотъ Яковъ Семеновичъ—родной братъ по отцу въ то время бывшему пономарю нашего села, Ивану Семеновичу. Якуня гра мотѣ зналъ, читывалъ псалтыри по умершимъ. Онъ-то, какъ брату Николаю, такъ и мнѣ далъ имена по своему; въ какой день кто родился и какой святой приходился въ этотъ день—и давалъ имена. Братъ родился 24 Марта, въ день Захарія, и поэтому называлъ его Захаріемъ, а я родился 15 Мая, въ день Пахомія, а потому меня и называлъ Пахоміемъ. Разъ Якуня явился къ отцу нашему и сказалъ: ,,меня Богъ послалъ къ тебѣ жить, а не къ Ванькѣ брату".—Прожилъ онъ болѣе 20 лѣтъ у нашего отца и скончался, когда братъ мой Николай былъ уже реторикѣ, а я въ низшемъ отдѣленіи училища. Про Якуню можно и должно много бы говорить и писать, но здѣсь не у мѣста. Кончина его показала, что онъ былъ мужъ праведный, юродивый. О прозорливости Якуни братъ Макарій упомянулъ въ своей проповѣди, когда вступилъ въ третій разъ въ Нижній епископомъ.

Въ дѣтствѣ здоровье Николая было слабое, его даже запекали въ хлѣбы, что и укрѣпило его. Однако хотя и ходилъ онъ, но долго не говорилъ, лѣтъ до 3-хъ, если не болѣе.

Однажды пришли къ матери нашей крестьянки, [дворянъ въ Уховѣ никогда не было, да и купцы появились тоже изъ своихъ же крестьянъ, по выходѣ ихъ на волю]. Пришедшія крестьянки, видя Николая, съ чувствомъ скорби говорили матери: ,,Богъ далъ вамъ и одного сына и тотъ бѣдняжка безъ языка". Въ это самое время Николай высунулъ языкъ свой, а отецъ въ то время, лежа на печкѣ, крикнулъ: Архирей, Архирей, Архирей!—но въ сонномъ ли состояніи или бодрствуя, это неизвѣстно. Впрочемъ, въ отцѣ нашемъ были предчувствія, которыя оправдались на самомъ дѣлѣ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Мать наша, будучи характера веселаго, сказала: ,,посмотри-ка, сколь-

ко по улицѣ ходятъ сопливыхъ и нѣмыхъ, да, пожалуй, и Тарасъ (сосѣда Ромадина сынъ глупенькій, котораго Николай любилъ и обчищалъ и кормилъ) будетъ то же архіерей"? Отецъ болѣе ничего не говорилъ.

Во время освященія Ухоловскаго храма, должно быть предѣльнаго, Николай отправился на ярмарку, такъ какъ было время ярморочное. Мать наша хватилась убрать и нарядить своего сына, а его и слѣдъ простылъ. По освященіи храма, которое совершалъ Павлинъ, Радовицкаго монастыря игуменъ, послѣдній былъ приглашенъ съ духовенствомъ и съ прочими гостьми на хлѣбъ соль нашимъ отцомъ. Въ то время, какъ только усѣлись гости за столъ, прибѣжалъ Николай и незамѣтно прямо кинулся на колѣни къ Павлину, ухватя рукою наперстный его крестъ. Отецъ и мать сконфузились, тѣмъ болѣе, что Николай всѣхъ „баивался", а въ это время неубранный очутился на колѣняхъ у игумена, который долго его держалъ и не отпускалъ. Игуменъ между тѣмъ выразилъ такія слова: „ты, милый мальчикъ, будешь имѣть много болѣе этакихъ и лучшихъ крестовъ и будешь лучше и выше меня".

Когда Николаю было лѣтъ девять, то отецъ началъ его обучать грамотѣ, но не совсѣмъ скоро усвоялъ онъ обученіе, [1]) такъ что часто отецъ ему о чемъ нибудь толкуетъ, а онъ забываетъ, а я, между прочимъ, когда въ то время подбѣгалъ, то вмѣсто Николая отвѣчалъ; почему самому замѣтно было, что отецъ меня какъ бы болѣе долюбливалъ. Что я и спроказничаю, мнѣ все прощалось, а вина всегда падала на Николая. Но и при малоуспѣшности Николая отецъ все таки подготовилъ его въ низшее отдѣленіе училища. [2]) Пришло время и меня отдавать въ училище. Я не ѣду и говорю, что не хочу ѣхать. Мать наша съумѣла меня уговорить ѣхать, нарядивъ меня изъ длинной рубашки въ короткую и въ прочія принадлежности, не бывавшія на мнѣ. Подали лошадь: мы сѣли—отецъ, братъ и я. Въ это время подошли прихожане съ спросомъ: „куда, батюшка, Богъ

---

[1]) Это свидѣтельство—сверстника брата не совсѣмъ согласуется съ указаніемъ біографа пр. Макарія, что Николай былъ съ самаго начала мальчикъ бойкій и даровитый.

[2]) Точнѣе во 2-й приходскій классъ. 1 и 2 приходскіе классы, существовавшіе въ духовныхъ училишахъ съ 1816 до 1854 г., соотвѣтствовали низшему отдѣленію съ 1854 до 1864 г.г.

несетъ? Отецъ, снявъ съ моей головы шапку, отвѣчалъ: „наслѣдника везу своего, и вашего Петрушу учиться въ Сапожокъ". [3]) „Дай Богъ, дай Богъ!"—послышалось нѣсколько голосовъ. По пути въ городъ, подъѣзжая къ селу Самодуровкѣ, гдѣ дорога пересѣкалась другою и мѣсто называлось крестомъ, навстрѣчу изъ г. Сапожка по случаю базара тамошняго встрѣтилась большая вереница Ухоловскихъ и всѣ спрашивали: „батюшка, далеко ли васъ Богъ несетъ?" Отецъ отвѣчалъ тоже самое и спрашивающіе желали сердечно всякаго успѣха. Самымъ дѣломъ оправдалось предчувствіе и желаніе отца.

Въ Сапожковскомъ училищѣ съ братомъ вмѣстѣ я обучался не болѣе двухъ лѣтъ.

Когда меня назначили въ реторику, въ то время съ братомъ Николаемъ, обучавшимся въ философскомъ классѣ семинаріи, воспослѣдовало довольно значительное происшествіе. Отцу нашему присланы были деньги изъ Синода, единовременная помощь по случаю пожара. Отецъ, не желая ѣхать самъ за получкою денегъ въ Рязань, послалъ довѣренность брату Николаю, который, получивъ и взявъ изъ нихъ половину, отправился въ Москву для поступленія въ университетъ, безъ совѣта и желанія отца. Отецъ, огорченный, раздраженный премного бранилъ, ругалъ и клялъ его. . . . . Братъ на экзаменѣ въ университетѣ по всѣмъ предметамъ отвѣчалъ удовлетворительно, но на душѣ и сердцѣ появились тоска и грусть непомѣрныя. Недоумѣвая, отчего такая явилась тоска, онъ рѣшился отказаться отъ университета, но какъ это сдѣлать, долго гадалъ и думалъ. По латинскому языку экзамена еще не было и вотъ онъ придумалъ оказаться совершенно незнающимъ его, въ надеждѣ, что ему откажутъ въ поступленіи въ университетъ. Не тутъ-то было. При испытаніи въ знаніи латинскаго языка одинъ изъ профессоровъ, бывшій на экзаменѣ, высказалъ: „г. Миролюбовъ притворился, что не знаетъ Латинскаго языка, когда по всѣмъ предметамъ сдалъ отлично, Латинскій языкъ, повѣрьте, онъ знаетъ лучше русскаго. Оставайтесь въ университетѣ, ходите и слушайте, что преподавать будутъ". Тоска и грусть не давали покоя; тревожно-мучительное положеніе не прекращалось; долго онъ мучился и ухитрялся, какъ бы оставить университетъ. Къ счастію его, явился какой то добрый человѣкъ изъ профессоровъ или студентовъ. Сочув-

---

[3]) 1834—35

ствуя ему, указалъ путь, какъ опять возвратиться въ Рязань поскорѣе: сходи къ Ректору университета и объяви ему сердечно, что ты не можешь учиться въ университетѣ, потому что тебя одолѣла непонятная грусть-тоска. Полагаю, что это оттого, что уѣхалъ безъ богословенія отца.—Ректоръ внялъ просьбѣ его, приказалъ выдать ему денегъ на проѣздъ до Рязани.

Не задолго передъ тѣмъ, какъ ѣхать мнѣ въ Рязань, отецъ скорбѣлъ о томъ, говоря: „съ кѣмъ ты поѣдешь въ Рязань, а я не поѣду"? Послѣ этого разговора дня черезъ три пріѣхалъ братъ Николай и народу много набѣгло посмотрѣть его. Онъ, бѣднякъ, конфузился и грустно было ему, такъ какъ отецъ бранилъ его. Дня черезъ два послѣ его пріѣзда мы отправились въ Рязань. Явился онъ къ инспектору Ильдомскому, который всегда смотрѣлъ съ невыгодной стороны на учениковъ, поступающихъ въ другія учебныя заведенія и оставлявшихъ дух. семинарію. Инспекторъ отказывался принять опять въ семинарію по, въ концѣ концовъ, согласился, только съ тѣмъ, чтобы остаться въ философскомъ классѣ. Братъ на это не соглашался и отправился къ о ректору бывшему, Θеодотію, [4]) который принялъ его ласково и велѣлъ брату идти къ Ильдомскому и сказать ему, чтобы онъ записалъ въ богословскій классъ на его (т. е. ректора) половину.—Устроились. Я поступилъ въ реторику, а братъ былъ принятъ въ богословскій классъ. Хотя братъ и былъ принятъ въ богословскій классъ, но мѣсто занималъ послѣднее, за вину; и можетъ быть остался бы забытъ, если бы не явился на мѣсто о. ректора Θеодотія—новый о. ректоръ, Аθанасій Дроздовъ, [5]) который, какъ ученѣйшій мужъ и знатокъ по физіономіи, увидавъ брата, обратилъ на него свое вниманіе и, проэкзаменовавъ, съ послѣдняго мѣста посадилъ на первое. Съ тѣхъ поръ братъ получилъ авторитетъ въ семинаріи и по окончаніи въ оной поступилъ въ академію Московскую, по распоряженію и настоянію о. ректора Дроздова.

По прошествіи двухъ лѣтъ братъ пріѣзжалъ изъ академіи въ Рязань, гдѣ въ квартиру, на соборной улицѣ, въ маленькомъ каменномъ домѣ явился Василій Петровичъ Кадомскій, памятный и доселѣ какъ мужъ праведный и прозорливый. Этотъ Кадомскій подступилъ къ

---

[4]) архимандритъ Θеодотій былъ ректоромъ Рязанской Семинаріи 1831 — 1837 г.г.

[5]) Былъ ректоромъ Ряз. семинаріи съ 1837 – 1840 г.г.

брату съ просьбою: „мата! дай мнѣ двугривенный“! А у брата всего бытья—житья былъ одинъ двугривенный. Въ это время дворникъ сказалъ: „баринъ, не давайте“! А дворничиха настаивала на томъ, чтобы дать: добро будетъ, если дадите. Въ это самое время пріѣхавшій съ братомъ Николаемъ Семенъ Николаевичъ Шафрановъ, лицо впослѣдствіи знаменитое, [6]) навязывалъ Кадомскому одинъ рубль, а онъ оттолкнулъ его, а отъ брата моего получивъ двугривенный, сказалъ: „будешь, мата, благословлять и съ отцомъ поѣдешь“. Отдавъ послѣдній двугривенный, мы съ братомъ пошли къ дворнику другого дома отыскать, съ кѣмъ бы съѣхать до дома. Я только лишь успѣлъ оглянуться налѣво, гляжу, ѣдетъ отецъ съ братомъ Якунинымъ. Это была такая неожиданная радость, что и доселѣ нельзя забыть о томъ.

Послѣ того, какъ братъ побывалъ на родинѣ, я уже его не видалъ до самаго окончанія имъ курса въ академіи. Кончили мы курсъ съ нимъ въ одно время: онъ въ академіи, [7]) а я въ семинаріи. По полученіи мною священническаго мѣста въ с. Уховѣ отецъ нашъ перемѣстился въ с. Напольное, гдѣ я владѣлъ священническимъ мѣстомъ по указу болѣе двухъ лѣтъ. Братъ въ то время былъ извѣщенъ по начальству, что онъ назначенъ въ Нижегородскую семинарію профессоромъ по философіи. [8]) Прожилъ онъ въ Нижнемъ болѣе двухъ лѣтъ и имѣлъ со мной переписку. Въ одно время получаю письмо, чтобы я готовился ѣхать къ нему на свадьбу. Вмѣсто свадьбы, не болѣе какъ мѣсяца черезъ четыре, онъ пишетъ: „звалъ я Васъ на свадьбу: теперь открываюсь вамъ: *обручальное кольцо у меня—гусиное перо, красивая невѣста—бѣлая бумага. свадьба—завѣтная дума; я уже не Николай, а Макарій; простите меня и молитесь уже не о братѣ Николаѣ, а іеромонахѣ Макаріѣ.* [9])

Сверхъ всего написаннаго считаю не излишнимъ высказать, какое мнѣ братъ, архіепископъ Макарій, далъ завѣщаніе, каковое послѣдовало по случаю слѣдующаго разговора. Я пріѣхалъ въ Нижній навѣстить болящаго своего брата. Это было не задолго предъ

---

[6]) Извѣстный дѣятель въ остзейскомъ краѣ.

[7]) 1842 г.

[8]) $^{23}/_{28}$ Сентября 1842 г.

[9]) Постриженъ въ монашество 2 Іюня 1846 г. въ Благовѣщенскомъ монастырѣ г. Нижняго Новг.

кончиною его. Въ тотъ же день пріѣхали навѣстить болящаго брата изъ Орла священникъ и іеродіаконъ. Означеннымъ субъектамъ при мнѣ и братѣ келейникъ его разсказывалъ слѣдующее одинъ изъ владыкъ любилъ, чтобы ему кланялись въ ноги, начиная съ архимандритовъ, протоіереевъ,—до послѣдняго псаломщика и послушника. Этотъ самый владыка, любящій честь, вздумалъ навѣститѣ болящаго, который, какъ только встрѣтилъ его, началъ ему говоритъ: охота, братъ, тебѣ „нагинать" монаховъ и поповъ, ихъ надо „не нагинать," а поднимать. Выслушавъ такія слова, навѣщавшій уѣхалъ. По окончаніи сего разсказа я спрашиваю брата· „Вы съ этимъ, Владыко, знакомы?—„Нѣтъ, я всегда знакомство имѣлъ съ смиренными, тихими. Помни, братъ, нашу фамилію и незабывай мы Миролюбовы; пожалуйста, осуществляй фамилію въ жизни".

При разставаніи онъ меня просилъ пріѣхать къ нему въ Нижній, гдѣ должна быть выставка въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, надѣясь пожить, но недожилъ до времени выставки и преставился 24 Декабря и я уже оплакалъ его мертваго.

Вѣчная ему память!

Зашт. Свящ. *Петръ Миролюбовъ.*